

ББК 83.3(2)
УДК 8. 82-1/-9

Н. Н. Макарова¹,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова,
makarovanadia@mail.ru

КРУГ ЧТЕНИЯ МАГНИТОГОРЦЕВ ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В статье анализируются особенности чтения в структуре повседневной жизни магнитогорцев на основе анализа дневника А. Н. Державина и писем В. Ф. Берсеновой. Несмотря на тяготы военного времени, Великая Отечественная война вызвала значительную читательскую активность, предпосылками которой стали успехи, достигнутые властью в создании «нового читателя» уже к началу 1940-х гг. Однако не стоит забывать о влиянии индивидуальных факторов, определявших читательские предпочтения: уровень образования, сферу профессиональной деятельности и механизмы социализации читателя.

Ключевые слова: история повседневности, повседневные практики, чтение, источник личного происхождения, Магнитогорск

В настоящее время, по словам Ю. П. Мелентьевой, «изучение чтения – общемировая профессиональная проблема» [8]. Историки анализируют читательские предпочтения и практики прошедших эпох, что позволяет воссоздать страницы прошлой жизни человечества и попытаться ответить на вопрос: чем обусловлена современная культура чтения, как она формировалась и какой путь прошла. Не вызывает сомнения то, что круг чтения и читательские практики населения в ту или иную эпоху в конкретном регионе зависят от общего уровня социально-экономического развития, тенденций в науке, политике и т. д. Следовательно, изучая круг чтения конкретной эпохи, исследователь дополняет картину социально-политической и культурной истории.

В настоящее время исследования чтения и читательских практик находится в стадии становления. Однако есть определенные

¹ Макарова Надежда Николаевна, кандидат исторических наук доцент кафедры всеобщей истории, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г Магнитогорск

достижения в этой сфере. Американская библиотечная ассоциация еще в 1870–1880-е гг. одной из важнейших задач видела изучение читателей с целью привлечения их в библиотеку. В библиографическом указателе англоязычных диссертаций по библиотековедению числится 150 работ, посвященных проблемам чтения [10]. Ученые Чикагской школы социологии вслед за профессором Д. Уоплесом анализируют чтение как социальный процесс с 1920–1930-х гг. Стоит отметить ряд исследований круга детского чтения [2; 3; 4]. Активно обсуждаются проблемы чтения и читательские предпочтения в европейских странах. Так, во Франции вопрос о распространении чтения стал предметом трех масштабных опросов (1960, 1967, 1970 гг.), результаты которых позже вошли в книгу К. Куно [7]. В Великобритании к 1970-м гг. было проведено свыше тридцати исследований, которые носили в основном локальный характер [7]. В историческом ключе созданы работы о чтении в Англии в средневековье [1].

Сейчас основная масса исследований чтения за рубежом связана с идеей популяризации читательских практик среди нечитающего населения. Новейшая работа в области изучения чтения представляет собой сборник статей известных во всем мире культурологов и социологов из разных стран. В сборнике представлена картина эволюции чтения книги на протяжении нескольких столетий развития человечества. Ученые убедительно доказывают, что изменение книги как таковой определяется в первую очередь изменением характера чтения людей, трансформацией их взглядов на роль чтения и ценность книги [6].

Интерес к изучению чтения в России во многом был обусловлен просветительскими целями, связанными с традициями русской либеральной интеллигенции, и пропагандистскими идеями, когда чтение использовалось как инструмент революционной агитации. Исследования в области чтения в России условно можно сгруппировать в четыре блока. Во-первых, это труды XIX века (работы Н. А. Корфа, А. С. Пругавина, А. П. Мичурина, В. И. Орлова). Существенный вклад в изучение читателей в России в XIX в. внес Н. А. Рубакин. В его основной работе по данной проблеме – «Этюдах о русской читающей публике» (1895) – нашла отражение характеристика чтения различных слоев общества. В этом исследовании впервые была сделана попытка социологического подхода к анализу чтения. Второй период – становление и укрепление советской власти с 1917 по 1930-е гг. – время коренной ломки всех привычных норм и начала строительства

социализма давало возможность изучать влияние чтения на личность. Чтение рассматривалось как инструмент воздействия на внутренний мир человека. На первый план вышли исследования психологических аспектов чтения (труды Д. А. Валики, С. Л. Вальдгарда, А. Виленкина, А. Гайворовского, П. И. Гурова, А. А. Покровского, Я. М. Шафира). Третий период исследования чтения охватывает 1950–1980-е гг. В эти годы в библиотеке им. В. И. Ленина был создан сектор социологии книги и чтения, опубликованы работы В. Д. Стельмах, М. Ханина, М. Д. Афанасьева, И. Н. Беленькой и др. И наконец, современный этап (1990-е гг. по настоящее время) связан с изменениями в социально-экономической и политической ситуации в стране. Среди организаций, которые в 1990-е гг. занимались изучением чтения, можно назвать Всероссийский центральный институт общественного мнения, Фонд «Чтение» им. Н. А. Рубакина, РГБ, Российскую государственную юношескую библиотеку, Российскую государственную детскую библиотеку. В целом проблема чтения в России и за рубежом довольно активно привлекала внимание исследователей, однако работ, созданных в историческом ключе, не так много, особенно применительно к советской эпохе. Исключение составляют труды Е. Добренко и И. Тажидиновой [5; 11; 12].

В условиях антропологического поворота все больше внимание историков привлекает человек во всем многообразии его повседневной деятельности. В данной статье предпринимается попытка анализа читательских предпочтений магнитогорцев на основе рассмотрения комплекса писем семьи Краузе-Берсенева за 1937–1942 гг. и дневника А. Н. Державина за 1941–1944 гг. Письма и дневники как особый исторический источник наиболее ярко отражают спектр чувств и переживаний, с которыми сталкивались авторы текстов. Несмотря на цензурные условия, люди писали письма очень активно. Переписка являлась порой единственной связующей нитью между людьми, средством восстановления душевного равновесия, возрождения забытых чувств покоя, умиротворения, домашнего уюта и, конечно, источником информации о жизни родных, оказавшихся далеко друг от друга. Если письма выступали коммуникативным каналом между людьми, то дневники, представляющие собой повседневные записи мыслей и наблюдений автора о том, что он видел и пережил, дают возможность «наблюдать» внутренний мир человека. По словам социолога Б. В. Дубина, дневник не только фиксирует процесс перемен и поиска места в общественных отношениях, но дает возможность проникнуть в глубинные слои культуры и человеческой

души. Он представляет собой не столько публицистику факта, сколько публицистику переживания.

Представители местной интеллигенции не мыслили своей жизни без чтения и книг в целом. Даже специфические условия жизни и быта в Магнитогорске в годы форсированной индустриализации и Великой Отечественной войны не стали основанием для отказа от чтения. Более того, книги и их чтение выступали средством стабилизации эмоционального состояния, были своеобразным механизмом приближения к привычной, нормальной жизни. Так, в своем дневнике А. Н. Державин писал: «Чувствую облегченность после вчерашних волнений. Большую часть дня провел дома в чтении «Айвенго». Читаю этот прекрасный роман во второй раз. Читаю с единственной целью отвлечься от проклятой действительности и забыться... Чуть ли ни каждый день я заходил в ГИЗ. Часто удавалось приобрести что-либо для своей любимой библиотеки... я купил в ГИЗе «Айвенго». Потом помнится несколько прекрасных вечеров, проведенных за этой книгой...» [9, 59-60]. С другой стороны, чтение знакомой книги возвращало человека в прошлую жизнь: «Сегодня Нинуська принесла две книги – биографию Мусоргского и «Питера Марица»... Много воспоминаний связано у меня с ней. Ведь это первая книга, купленная мне мамой. Первый камень моей библиотеки приключений... Вот она приходит и приносит мне книгу в красивой обложке, на которой изображен юноша, сидящий верхом на коне. Я жадно схватил эту книгу и углубился в чтение. Несколько прекрасных вечеров провел я с интересной книгой... И вот снова эта книга лежит передо мной. Как грустно смотреть на нее и не вспомнить прошедшие дни, дни далекого, беззаботного детства...» [9, 82]. Абвивалентность отношения к книге отражает фраза из дневника А. Н. Державина: «Читаю «Питера Марица». Читать интересно, но стоит немного отвлечься, как сразу ощущаю свое настоящее положение, свою неприятную близкую будущность. Вспоминаю обстоятельства своего первого знакомства с этой книгой. Рано проснувшись утром, лежу я на своей постельке и буквально пожираю интересные главы истории англо-бурской войны. Любимые мои книги! Для того ли я собирал вас чуть ли не 15 лет, чтобы сразу все пропало, поглощённое дикой войной» [9, 83].

В письмах и дневниках авторы выступают как активные, мыслящие читатели: из прочитанного делают выписки, анализируют прочитанное, обдумывают, ведут тетради переводов текстов на иностранном языке. Бросается в глаза энциклопедичность героев. Их интересовала не только художественная литература, но и труды

по философии, искусству, техническая литература, работы иностранных авторов. Практически всегда они не просто читали книгу, они работали с текстом. А. Н. Державин делал разборы прочитанного. В отдельных тетрадах он фиксировал наблюдения и записывал выводы о книге и тяжело переживал утрату своих трудов: «Также не могу переварить гибель моих разборов Жюль Верна, Майна Рида, Эмара и Жаколио... Но страсть к любимому занятию и сейчас также велика, как и раньше. Ей мешают лишь окружающие события...» [9, 60]. Высокий уровень культуры чтения, характерный для героев, не был присущ большинству магнитогорцев в указанный период, являлся скорее исключением, обусловленным уровнем образования и профессиональной деятельностью героев. Владая иностранными языками, авторы знали прекрасно не только отечественную, но и зарубежную литературу. Так, А. Н. Державин писал: «Остаток дня я провожу в чтении. Русских книжек я пока не беру. Читаю на английском языке» [9, 125]. В. Ф. Берсенева неоднократно упоминала о том, что выполнила очередной технический перевод.

Характер чтения, ставший для героев жизненной потребностью, определялся не только профессиональными интересами, но и эмоциональными потребностями людей. Так, А. Н. Державин намеренно читал по второму разу приключенческие романы, чтобы оказаться в мире альтернативном реальности военных лет: «Если бы я был свободен собой распоряжаться, то стал бы много читать. Это все же забвенье неприятнейшей действительности» [9, 85]. В семье Краузе-Берсенева чтение было формой досуговой практики. Вечерами глава семьи Ф. О. Краузе вслух читал «Илиаду», «Одиссею», а жена и дети внимательно слушали.

Личная библиотека семьи Краузе-Берсенева формировалась в течение многих лет. Все члены семьи покупали книги в поездках по СССР, а некоторые экземпляры были привезены еще из-за границы в дореволюционное время. Даже в самые сложные моменты жизни В. Ф. Берсенева и Ф. О. Краузе заботились о книгах. Так, во время Великой Отечественной войны семья должна была переехать к новому месту службы главы Ф. О. Краузе. Начались сборы вещей. Крайне тщательно упаковывали книги. Была закуплено 35 ящиков для книг, внутри книги оборачивали газетами и соломой. А. Н. Державин личной библиотекой не располагал, читая книги из библиотеки университета и городской библиотеки Магнитогорска. Когда сам автор дневника болел и не мог пойти в библиотеку, новые книги ему приносила жена. Крайне тяжело А. Н. Державин переживал утрату своей коллекции книг в Смоленске: «Моя домашняя библиотека

содержала около 300 книг: приключений, путешествий и научной фантастики. Эти книги были собраны терпеливо и любовно. Я их искал жадными глазами на прилавках книжных магазинов, привозил из Москвы и с далекого Геленджика, носил переплетать целыми десятками. И вот теперь у меня нет ничего, нет ни одной своей книги. Как обидна эта мысль!» [9, 60].

Естественно, чрезвычайные условия периода индустриализации и Великой Отечественной войны не способствовали росту читательской аудитории, так как характеризовались угрозой самому существованию человека, несмотря на тыловое расположение города. Но именно в эти непростые времена существенно возросла читательская активность. Ее предпосылками стали успехи, достигнутые властью в создании «нового читателя» в рамках культурной революции. Однако существовали и другие факторы, способствовавшие развитию читательских практик: влияние экстремального опыта индустриализации и войны, отразившегося на потребностях читательской аудитории страны; рост коммуникативных возможностей советского человека; повышение уровня образования, изменение социального происхождения и рода деятельности.

Литература

1. Bennett, H.S. English Books and Readers 1475–1557 / H. S. Bennett. – London: Cambridge University Press, 1952. – 290 p.
2. Hanson, D. What children like to read / D. Hanson // New-Society. – 1973. – Vol. 24. – № 554. – P. 361–363.
3. Sorensen, A. Effects of ability grouping on growth in academic achievement / A. Sorensen, M. Hallinan // American Educational Research Journal. – 1986. – Vol.23. – № 4. – P. 519–542.
4. Williams, Sh. Reading attainment and juvenile delinquency / Sh. Williams, R. McGee // Journal of Child Psychology. – 1994. – Vol. 35. – № 3. – P. 441–459.
5. Добренко, Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы / Е. Добренко. – СПб.: Академический проект, 1997. – 321 с.
6. История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Кавалло Г. (ред). – М.: Фаир, 2008. – 544 с.
7. Куно, К. Чтение во Франции / К. Куно. – М.: «Рудомино», 1992. – 23 с.

8. Мелентьева, Ю. П. От нации читателей к нации зрителей. Эволюция чтения и его изучения / Ю. П. Мелентьева // Библиотечное дело. – 2006. – № 10. – С.2–6.

9. О войне из войны: народная письменность 1941–1945 гг. / сост. С. А. Моисеева, Т. И. Рожкова, И. В. Лосеева, Е. Б. Дерябина. – Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2015. – 336 с.

10. Романов, П. С. Аннотированный библиографический список англоязычных диссертаций по библиотековедению (1903–2004 гг.) / П. С. Романов. – М.: МГУКИ, 2006. (приложение к диссертации).

11. Тажидинова, И. Г. «Книжный голод хуже хлебного»: повседневные практики чтения в условиях Великой Отечественной войны / И. Г. Тажидинова // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – № 2. – С. 5–9.

12. Тажидинова, И. Г. Повседневные практики чтения в условиях Великой Отечественной войны (на материале фронтовых писем) / И. Г. Тажидинова // Наука и школа. – 2010. – № 2. – С. 142–145.

MAGNITOGORSK NATIVES' READING CIRCLE ACCORDING
BASED ON THE SOURCES OF PERSONAL ORIGIN

N. N. Makarova

Abstract

The article analyzes the peculiarities of reading in the everyday lifeframe of Magnitogorsk citizens on the basis of the analysis of A. N. Derzhavin's diary and V. F. Berseneva's letters. The author concludes that, despite the hardships of the wartime, the Great Patriotic war caused a significant reader activity, the preconditions of which were the achievements of the government in creating a "new reader" by the early 1940s. However, one should take into consideration factors determined the reader's preferences: the level of education, professional activities and the reader's socialization process.

Keywords: history of everyday life, everyday practices, reading, sources of personal origin, Magnitogorsk

Поступила в редакцию 1.05.2018